

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора исторических наук, профессора
кафедры истории и теории культуры ФГАОУ ВО «Российский
государственный гуманитарный университет»

Сергея Александровича Яценко

на диссертацию Денисенко Валерии Леонтьевны

«КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ КОЧЕВЫХ НАРОДОВ

ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СЕВЕРНОЙ ИНДИИ

В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА»,

представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3 – Археология в диссертационный совет 24.1.030.01 на базе ФГБОУН «Институт истории и этнографии Сибирского отделения РАН»

Проблема, поднимаемая в диссертации, еще далека от разрешения. Это уточнение этапов этно-, полито- и особенно культурогенеза, а также - сохранения кочевых традиций и, напротив, заимствований у групп *индо-скифов*, создавших в I в. до н.э. первую политику кочевников в позднеантичной Индии, а затем – у *больших юэчжей*, основавших в I в. н.э. к югу от Бактрии Кушанскую империю (одну из 4 великих политий мира в I-III вв. н.э. и союзницу Рима). Между тем, контакты центральноазиатских кочевников с Индостаном документируются еще с VI в. до н.э., и их материальные следы известны для саков Памира. Диссертантка ставит перед собою амбициозную цель ответить сразу на множество возникающих в связи с этим вопросов. Она делала это, опираясь на последние данные археологии разных регионов Азии, связанных с историей знаменитых этнических массивов саков (Saka/Sai/塞) (группа которых известна как индо-скифы) и юэчжей (Yuezhi/月氏). Фактически, ею двигало желание предложить свою концепцию развития культурных связей поздних саков и юэчжей на территории Индостана¹. И мне представляется, что ей это удалось. Сказанное делает диссертационное исследование В.Л. Денисенко *очень актуальным* для

---

¹ Во Введении (с. 5) эта цель лаконично формулируется как «комплексная характеристика культурных контактов кочевых народов Центральной Азии и Северной Индии».

археологии и истории обширного региона. Это, как она сама верно замечает во Введении, новаторская работа в археологической науке.

Для решения возникающих задач В.Л. Денисенко использует очень солидную источниковую базу, включающую в себя, прежде всего, археологические материалы из 571 памятника, изданные на 6 основных языках – русском и английском, а также отчасти на французском, немецком, итальянском и китайском. Собственно, археологические публикации служили для нее обычно лишь исходным материалом для дальнейшей интерпретации. В библиографию включены 794 наименования литературы (при этом источниками автор скромно называет там лишь труды 27 древних авторов)². В их числе – 264 публикации на русском (что понятно для изучения истории обитания юэчжей в Средней Азии - Трансоксиане) и 443 публикации на английском (основной массив), что связано, в основном, с кушанскими материалами по северу Индостана. Есть и 58 публикаций на 4 других языках. Важное место в исследовании Валерии Леонтьевны занимает Т. 2 диссертации, состоящий из 186 страниц Приложений – в основном фото и чертежей, а также серии различных карт и таблиц по 468 поселенческим комплексам, связанным в Средней Азии и Индостане с саками и юэчжами. Отмечу хорошее качество этих приложений, работа над которых стоила немалого труда. В целом источниковая база исследования выглядит исчерпывающей. Работа хорошо опробирована на 15 различных конференциях и в материалах 17 публикаций автора.

Диссертантку интересуют, прежде всего, *четыре аспекта* исследования материала. Это этапы изучения проблемы специалистами (историография), наиболее важные источники помимо археологии (письменные, эпиграфические и нумизматические), археологические проявления культурных связей (погребальный обряд, петроглифы, скульптура и контекст династийных храмов) и этапы проникновения разных носителей кочевой традиции на север Индостана с конца II в. до н.э. (саки, индо-скифы, юэчжи и их более поздняя группа – кушаны). Эти четыре аспекта логично отражены в структуре диссертации и представлены в 4 основных главах работы (они имеют «чистый» объем от 40 до 60 страниц каждая) и в ее параграфах. Однако, этим дело не ограничивается. Исследовательницу основательно занимают создание *корпуса петроглифов* кочевой традиции на севере Индостана (здесь для нее были очень полезно хорошее знакомство с учеными, занимающимися петроглифами Южной Сибири), *изучение миграционных маршрутов* номадов (для их анализа была создана серия сложных карт на основе ГИС-технологий пространственного анализа), а

---

² Однако во Введении (с. 6) В.Л. Денисенко куда более точно указывает, что источниковая база ее диссертации включает, кроме древних сочинений, материалы обобщающих работ и публикации полевых археологических данных.

также *перевод* на русский соответствующих мест из двух древнеиндийских сочинений. Кроме того, ее привлекают собственно *причины и археологические проявления миграций*, и еще больше, похоже - *выявление их культурных последствий*.

Реализация сказанного выше - это, безусловно, важный вклад Валерии Леонтьевны в разработку сложной проблемы номадо-индийского культурного взаимодействия. При этом в общем тексте диссертации **Введение** очень кратко (8 стр.), что, однако, не вызывает у меня серьезных вопросов и допустимо в гуманитарной сфере. Напротив, *выводы по главам* даются очень подробные.

Глава 1 «Периодизация историографии и истории изучения» очень насыщена привлекаемым материалом – именами, датами и, что важнее – их оценками. Думается, В.Л. Денисенко справедливо заканчивает первый (колониальный) период 1-й Мировой войной, а второй «период накопления материала» - знаковой конференцией по кушанам 1968 г. в Душанбе. Каждый из трех периодов анализируется по разделам общеисторических трудов, археологических исследований (особо выделяются петроглифы Кашмира и Ладакха), нумизматики, эпиграфики и изучения древних текстов. В главе дается качественная и разноплановая панорама развития мировой науки в данной области. Оформление научных коллективов, исследовательская преемственность и в целом вклад ученых отдельных стран, даются здесь в тщательно взвешенных пропорциях.

Глава 2 «Письменные и нумизматические источники» представляет собою в значительной степени оценку информативности текстов древних сочинений (в первую очередь – светских, а для индийских – религиозных). По заключению диссертантки, наиболее ценны у средиземноморских авторов сведения по сако-юэчжийской истории у Геродота (амюргийские саки), Помпея Трога, Дионисия Периегета и Плиния, из китайских – Чжан Цяня и Фань Е, из индийских – ряда пуран (Юга-пурана) и джайнской «Тилояпаннатти», из армянских для поздней кушанской истории – Мовсес Хоренаци, Фавстос Бузанд и Себеос. Очень много внимания уделено в специальном параграфе обзору кушанской эпиграфики, в т.ч. династийной (в империи использовались 4 вида письменности), которая разобрана по правителям.

В **главе 3 «Археологические свидетельства культурных контактов»** рассмотрены разнообразные проявления культурного взаимодействия и соответственно – эволюции культурных стереотипов. Это погребальная обрядность (включая и ранние ступы с погребениями), комплекс петроглифов Ладакха и района Гилгита, скульптура Гадхары, Матхуры и Бактрии, и династийные храмы (начиная от такового у клана Герая в Халчаяне). Для меня это наиболее интересная глава, где автор не теряет на

фоне мнений маститых предшественников, а часто демонстрирует собственные наблюдения и выводы. В погребальном ритуале юэчжей на их прародине в Ганьсу и на их новой родине на Тянь-Шане, в Согде и Бактрии особое значение сейчас придают *могилам с подбоем*. Автор, видимо, справедливо не задается их дробной классификацией³, отмечая заметные изменения со временем в погребальном ритуале в целом и пестроту обрядности в ключевой области расселения юэчжей – Бактрии (подбои, катакомбы, ямы). Довольно подробно она останавливается на ранних ступах с захоронениями, поддерживая мнение о них, как о модификации курганной обрядности. Среди петроглифов В.Л. Денисенко концентрирует внимание на образцах *звериного стиля* в районах, где кочевники сакских и юэчжийских групп были недолго, на близости их образцам в ряде районов Тибета, разные части которого были, видимо, и одним из очагов влияния и воспринимающей зоной. Автор при этом говорит о скифоидных культурах и (по Д.Г. Савинову) о «зверином стиле» как маркере скифского мира (с. 124) и одновременно соглашается с К. Йеттмаром относительно того, что «звериный стиль» на рубеже эллинизма и кушанского времени – анахронизм (с. 131). Между тем, «звериный стиль» - обычное проявление ярких культур хунну, кангюйцев, разных группировок сарматов и многих других номадов *хунно-сарматской эпохи*. Анахронизмом он явно не был. Подробно автор рассматривает существующие мнения о скульптуре четырех регионов времени индо-скифов и Кушанской империи, ее периодизации, и добавляет много интересных деталей. Наконец, дается обзор всех династийных юэчжийско-кушанских храмов. Автор акцентирует внимание на двойственной природе культа в них, когда почитание правящей династии сочеталось с культом божеств разных религиозных систем – маздеистских (Айртам), буддийских (Дальверзин), греческих (Халчаян) или шиваистских (Мат).

В главе 4 с длинным названием *«Культурно-исторические процессы в Центральной Азии и Северной Индии в эпоху раннего железного века. Древние миграции: причины и последствия»* предложена серия историко-культурных реконструкций на основе преимущественно археологического материала. Здесь говорится о четырех волнах этнических перемещений – саков, индо-скифов, ранних юэчжей и кушан. Восточные саки-хаумаварга и ранние юэчжи при этом характеризуются как непрочные *конфедерации*, хотя Ктесий (для царицы Заринеи) и Сыма Цянь (для юэчжей) дают ясные свидетельства сильной и авторитетной власти верховного правителя. Одной из основных целей этой главы было установление по разным источникам

---

³ Здесь важно и в какой из стенок сделан подбой, в какую сторону ориентирована в нем голова умершего и т.п. Так, подбой в западной стенке с головой умершего на север по обряду и находкам близки конкретно позднесарматской традиции от Урала до Дона. См. Яценко С.А. и др. Археология и история Кангюйского государства. Шымкент, 2020. С. 144-145.

маршрутов миграций номадов, а для кушан – их расселения на завоеванных территориях. Для саков II-I вв. до н.э. говорится о миграции от Памира на Ишколан, в верховья Гилгита и к Инду (с. 177). Другой маршрут предполагается из Ташкуртана через Вахан на Ясин в Восточном Гиндукуше. Для юэчжей это была миграция с долины р. Или через Зеравшан на Сурхандарью и с I в. до н.э. – начало оседания там (с. 188). Для собственно кушан диссертантка предполагает три дальнейших пути миграции: на север (Гилгит – Кашмир – Тарим), на запад (в Гандхару) и на восток (Кашмир - Ладакх - Тибет) (с. 202-203). Относительно индизации правящего дома Кушан В.Л. Денисенко, например, весьма осторожно использует известный факт преобладания Шивы на монетах Хувишки (имя которого там, к тому же, иранское - Ошо) (с. 205).

В *Заключении* подводятся основные итоги диссертационного исследования. Здесь обобщены данные по двум основным периодам – сако-юэчжийскому и кушанскому, рубежом между которыми можно считать середину I в. н.э. Автор указывает на два основных направления будущих исследований – целенаправленное *выявление петроглифов* данной эпохи и основательное изучение *погребальных памятников* (археологов обычно интересует материал поселений; велика и доля случайных находок, разведочных маршрутов). В целом язык диссертации – «деловой» и лишен словесных украшений; стиль не всегда ровный.

Текст данного исследования можно оценить безусловно положительно; по нему возникают *лишь некоторые мелкие замечания*. Так, неясно, почему деформация черепа (делавшаяся всегда младенцам) относится к элементам *погребального* ритуала (с. 112). Для меня, всю сознательную жизнь занимающегося костюмом древних кочевников, неясно, что означают слова о «скифском костюме» саков и кушан (с. 161). Размещение святилищ на возвышенных местах отнюдь не являются особенностью зороастризма (с. 162), т.к. оно известно и у иранских этносов, им не затронутых (например, у алано-осетин). «Варварские» идольчики-всадники Бактрии, ахеменидского Ирана и Боспора, отнюдь не были именно магическими (с. 161), т.к. у ряда иранских народов (памирцев, осетин, кафиров Гиндукуша) такие фигурки из органики еще недавно представляли портрет отчасти героизированного умершего мужчины недалеко от его могилы⁴.

Эти и подобные немногочисленные мелкие погрешности никоим образом не влияют на общую высокую оценку диссертации В.Л. Денисенко. Представленная к защите рукопись является самостоятельным и новаторским научным трудом, вносящим существенный вклад в изучение сако-кушанского периода в истории Северной Индии, в понимании процессов

---

⁴ См., например: Яценко С.А. Глиняные фигурки всадников древних иранских народов // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. 2004. Вип. XI. С. 294-298.

культурной интеграции и ассимиляции. Она помогает также лучше представить себе ряд аспектов более ранней истории саков и юэчжей в Трансоксиане – Средней Азии. В ней впервые с помощью новых данных осмыслен и обобщен огромный материал, накопленный археологами и историками разных стран для исследования севера Индостана и смежных территорий. Научное значение этого исследования весьма велико. Его содержание адекватно отражено в тексте автореферата. Диссертация В.Л. Денисенко имеет и теоретическое и прикладное значение. В ней оригинально решены проблемы комплексного изучения культурных контактов кочевых и оседлого населения Северного Индостана времен поздней античности на привлеченном обширном материале разнотипных источников при практически полном их охвате. Значение данной работы выходит за рамки севера Индостана, т.к. касается и более северных территорий. Она будет востребована в обобщающих трудах по культуре кочевых народов Центральной Азии и роли северных мигрантов в истории Индии, Пакистана и Афганистана, а также в истории древнего искусства и архитектуры и в учебном процессе в вузах. Диссертация В.Л. Денисенко полностью соответствует требованиям пп. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г., предъявляемым к диссертациям, представленным на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор, Денисенко Валерия Леонтьевна, несомненно, заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3 – Археология.

Доктор исторических наук, профессор кафедры
истории и теории культуры
ФГАОУ ВО
«Российский государственный
гуманитарный университет»
(РГГУ)
3 сентября 2025 г.

Яценко Сергей Александрович

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный гуманитарный
университет» 125993, Москва, Миусская площадь, д. 6
Телефон учреждения: 8 (495) 250-61-18
Эл. почта учреждения: rsuh@rsuh.ru
Тел. личный: +79060429611
Эл. почта личная: sergey_yatsenko@mail.ru

Проректор по научной
и проектной работе

О.В. Павленко